

— В советское время, в так называемый период застоя, довольно часто выходили ваши книги, в журналах печатались повести, в газетах вы вели дискуссии о любви, долге, нравственности. Как писателю и публицисту вам приходилось работать на пропагандистскую машину КПСС?

— По большому счету меня это миновало. Я не состоял в партии и никогда не хвалил живую власть. Был, например, случай, когда мою книжку, уже набранную, держали в Политиздате два года, требуя, чтобы я вписал в текст хоть одну цитату из Брежнева. Я не вписывал. Когда Брежнев умер, требовали — из Андропова, потом — из Чернен-

ся. Может, и правильно — личная жизнь, семья, дети... Вы вот тоже живете бурной личной жизнью, у вас новая жена, маленький ребенок. До политики ли тут?

— Если страна попадет в дерьмо, то и моя семья окажется там же. Потому что в отличие от воротил бизнеса и мафиози у меня, как и у большинства граждан, нет счета в Швейцарии и виллы на Багамах. И в моих личных интересах — чтобы Россия выжила. Вот такая у меня гражданская позиция.

— С гражданином ясно, а чем сегодня занимается писатель Жуховицкий? Знаю, вы нигде не служите, книг в последние годы не издаете...

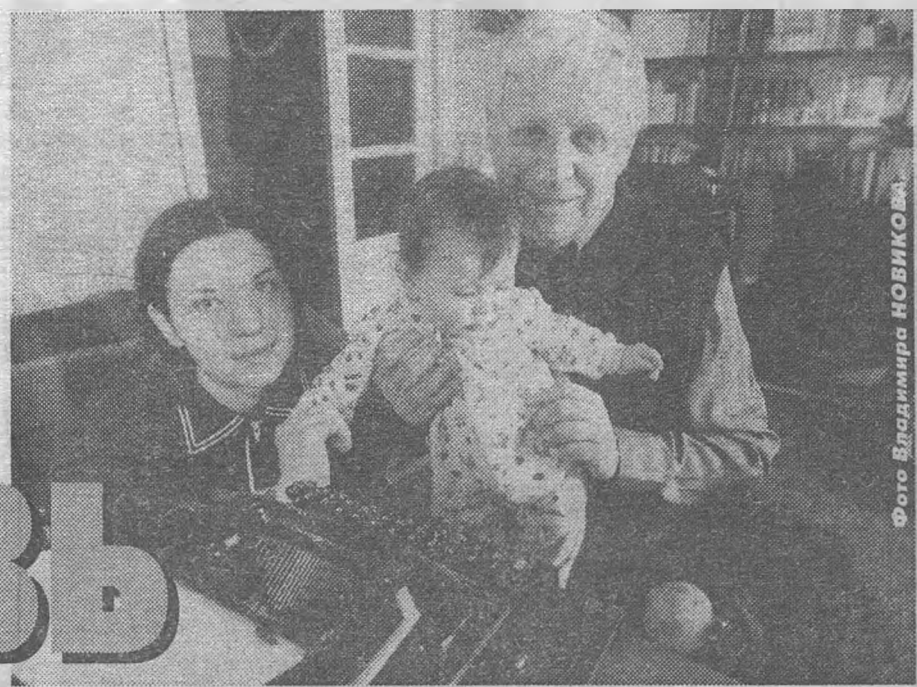

Фото Владимира Новикова

да, условно говоря, у женщины пять сумочек, а нравится шестая, я говорю: либо сноси эти пять, либо отдай кому-то.

— Ну раз в еде нет ограничений, скажите, Леонид, вы водите свою жену в ресторан, чтобы сделать ей приятное, например, избавить от мытья посуды?

— Во-первых, посуду мою я. Во-вторых, в Москве в рестораны ходить не хочется — нам хорошо дома. Другое дело, где-то в Швеции или Турции. Конечно, приятно походить по экзотическим местам, покормить жену чем-то вкусным. Вообще мне

ЛЮБОВЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Трух-7.-1998.-13 марта.-с.8.

ко... Короче говоря, пришел Горбачев, но я не вписал цитаты и из его речей... Та книжка в конце концов вышла, называлась она "Все, в чем вы нуждаетесь".

— Книга была о любви, так? При чем же здесь генсеки?

— Поскольку выходила она в Политиздате, то и требовали "политического оправдания". Я на это не шел. И отнюдь не из диссидентства, скорее, из брезгливости. Вот сегодня я могу хвалить действующую власть — хотя бы потому, что сейчас нужна смелость, чтобы похвалить Ельцина, и ничего не нужно, чтобы облаять его или Чубайса.

— Ну какая смелость, Леонид? Не преувеличиваете. Но главное — есть за что хвалить-то нынешнюю власть?

— Я похвалил бы и Ельцина, и Горбачева за то, что в течение уже 13 лет, когда страна из концлагеря постепенно становится нормальной страной, хотя по-прежнему бедной, это обошлось практически без крови.

— Вы, видимо, забыли про Чечню?

— У меня на это свой взгляд. Кровь там лилась и до ввода войск. Когда во главе республики становится банда, то кровь будет литься бесконечно. Да, мы туда полезли бездарно, глупо и отвратительно. Но когда говорят: пусть сами между собой разбираются — это тоже не вариант. Чеченцы — россияне — и имеют право на защиту государства. Понятно, что действия Грачева — авантюра. Но я виню Грачева не за то, что войска ввели в Чечню, а за то, что вместо обезвреживания бандитов устроили бойню, в которой погибли десятки тысяч ни в чем не повинных людей. И вина в этом не только бывшего министра обороны — практически всех нынешних генералов, которые создали армию, не умеющую воевать.

— Но и эта армия, и эти генералы действовали от имени и по приказу нашей власти. Мне ваш аргумент в ее похвалу кажется неудовлетворительным.

— И тем не менее Ельцин — вполне достойный, считаю, президент. У него есть опыт руководства. А сколько симпатичных и хороших, в общем, людей оказались профнепригодными к власти. Я помню, с каким восторгом слушал выступления, скажем, Собчака, Афанасьева, Попова, Шахрая, Станкевича, Румянцева и т.д. Как умно и хорошо они говорили. А во что это выродилось? Не случайно во власти остались лишь единицы из первого призыва демократов. Но это работники, и я считаю, что их сегодня мы должны защищать. Довольно с нас велеречивых болтунов.

— Вот если бы еще избиратели научились отличать профессионалов от дилетантов. Раньше советскому человеку внушали, что общественное всегда выше личного, что судьба государства несравнимо важнее его собственной. Сегодня мы уже усваиваем, что вначале все-таки человек, семья, а потом — государство. Но при этом большинство молодежи, да и не только молодежи, практически выпало из общественной жизни, политикой не интересуется.

О ВЛАСТИ, О СВОЕЙ НОВОЙ СЕМЬЕ И ПОЛЬЗЕ ГРАЖДАНСКОГО БРАКА, А ТАКЖЕ О ВРЕДЕ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ ПИСАТЕЛЬ ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ.

— Пишу — это все, что я умею делать. Недавно закончил статью для "Золотого пера". Это программа, которой я сейчас занимаюсь, в ней участвуют полтора-два десятка лучших российских писателей. Их статьи рассылаются в сотни периферийных газет для того, чтобы люди во всех регионах знали, что думает, скажем, Борис Васильев или Фазиль Искандер.

— Эти писатели выражают свою точку зрения в центральной прессе, на телевидении и радио. Чем же отличается ваша идея?

— Если взять центральные издания и телевидение, то они, как правило, либо бездарны, либо продажны. Ведь сейчас зачастую и не расслышишь, что думает журналист. Сегодня обсуждается, что думает Березовский, Гусинский или Потанин. Остальные прислуживают.

Но есть умные люди, о которых точно известно, что их не купишь. Вот они и помогут разобраться в том, что было у нас, что есть и что будет. Ведь нужно выбрать какой-то путь. У любой страны, нации всегда есть какая-то хотя бы ближайшая цель. И если этого нет, то все погружается в болото, в хаос. Я уверен, что никто, кроме элитной интеллигенции, не сможет предложить хотя бы какие-то варианты пути.

— То есть главная цель вашей программы — национальная идея? А я-то думала, что эта затея благополучно увяла, вылившись в некий двухтомный труд, который в прошлом году представил общественности бывший помощник президента Георгий Сатаров...

— Сатаров?.. Согласитесь, Пушкин был умнее Бенкендорфа. Есть люди — их не очень много, которые по большому счету умнее всех чиновников.

— Согласна. Но вы — писатель и в советское время, которое называлось концлагерем, регулярно издавали свои книги. А сейчас, получается, занимаетесь только публицистикой?

— Здесь какая штука? Раньше у меня было ощущение своей миссии. Я знал, что мою повесть несколько миллионов читателей ждут, она им как-то поможет жить, хотя бы отстоит их право на любовь. Как это ни смешно сейчас звучит, но раньше и этого права у людей не было. Ведь свинное рыло диктатуры лезло даже в человеческую кровать — они хотели и этим управлять.

— Да уж, любителей покопаться в личной жизни граждан хва-

тало. Но вспомним и о том, как при вечном дефиците товаров советского гражданина еще клеймили за так называемый "вещизм". Уютная, хорошо обставленная квартира — мешанство, американские джинсы — низкопоклонство перед Западом и т.п. Помните, и вы приложили к этому руку, призывая "жить мимо вещей".

— Почему я писал, что жить нужно "мимо вещей"? Да потому, что вещей этих не было. И чтобы девушке купить дубленку, ей надо было потратить массу жизненных сил и многим пожертвовать. А я подсказывал людям, как сохранить свое достоинство в условиях советской "тюрьмы". Я вовсе не противник хорошей одежды, машин, квартир и т.д. Но не надо платить за них дороже, чем они стоят.

— Ну а теория "ненужных вещей"? Вы и сегодня считаете, что нужно покупать вещи, только необходимые позарез?

— Да, и сейчас. Я много поездил по свету, увидел прекрасные, благополучные демократические страны, где живут очень несчастные люди. И лишний раз убедился, что хорошие вещи сами по себе счастья человеку не дают. Вещь — это наркотик.

— Вот как? Но вы, Леонид, все же похожи на аскета, обходящегося минимумом необходимого. Хотя и двухкомнатная квартира, но в престижном районе, дача, машина, прекрасная библиотека... Да вот у вас в буфете слоники стоят. Более бесполезную вещь трудно придумать.

— Вообще слоники не нужны. Но эти слоники — вещь необходимая. Потому что мне подарил их мой покойный друг Роберт Рождественский. Я смотрю на них и вспоминаю его. И картинки, что вы видите на стенках, — все это подарки...

К сожалению, вещи накапливаются и выживают нас — отбирают наш воздух, жизненное пространство.

— Может быть, с ними надо легче расставаться? Можно ведь дарить, отдавать вещи, а совсем старые и ненужные просто выбрасывать как мусор.

— Людей, которые легко расстаются с вещами, я не уважаю. Вот мне сейчас, например, надо куда-то девать большое количество книг. Несколько коробок отвез знакомой библиотечарше, которая, слава Богу, взяла их для Бутырской

тюрьмы. Не так-то просто пристроить книги. Я несколько библиотек объехал — не берут. А выбросить — не могу. И не только книги. Может, на моем отношении к вещам сказывается военное детство.

— А вашей жене всего 20 лет, она ведь человек совершенно другого поколения, можно сказать, не знавшего даже дефицита.

— Катя относится к моим "странностям" снисходительно. Недавно мы перевезли на дачу старый сервант, который хотели уже выбросить. Но этот сервант стоял в доме моих родителей! С другой стороны, именно Катя со своей первой зарплатой купила мне электробритву "Браун", которую я давно хотел, но не покупал. Просто всегда находилось что-то нужнее, или я думал, что эти деньги вдруг понадобятся моим близким. И когда болели мои родители, я понял, насколько был прав, что не тратил лишних денег. Они понадобились.

— В своих произведениях вы много писали о любви, об отношениях двоих. А сколько раз, Леонид, вы были женаты?

— Я не делю брак на официальный и неофициальный. Считаю браком то, что было серьезно, — жили вместе, собирались всегда быть вместе. Можно считать, что сейчас я женат в четвертый раз. У меня есть дочка, которой 31 год, и дочка, которой всего полгода. И один 12-летний внук.

— Вместо кабинета у вас теперь детская. Отчетливо представляли, как изменится ваш уже устоявшийся годами образ жизни с появлением ребенка?

— Я мало что в этом смысле планировал и высчитывал. Просто есть любовь, от которой должны рождаться дети. Да, бывает жизнь нормальная, когда дети могут быть, а могут не быть. А бывает, когда должны быть. Я понимал, что для меня вырастить ребенка будет очень тяжело. Даже просто по возрасту — все-таки 65 лет. Но я понимал еще одно: Кате захочется когда-нибудь ребенка. И мне очень хотелось, чтобы она родила его от любимого человека. Надеюсь, я еще какое-то время смогу быть достаточно здоров, чтобы зарабатывать на жизнь и обеспечить жене и дочке элементарный жизненный плацдарм.

— Ну, а подарки — когда, вашему мужчине женщине их должен делать — по праздникам?

— Когда хочется. Я — военный ребенок и знаю, что едой можно и нужно баловать как угодно. Но ког-

всегда жалко людей, которые, желая приятно провести время, идут в ресторан. Я думаю: значит, им плохо дома. А мне гораздо приятней съесть бутерброд с чаем дома, чем какие-то разности в общественном месте.

— Допустим, вам хочется вечером пить чай дома, а в Катином возрасте вполне естественно желание, например, пойти на дискотеку, потанцевать...

— Да ради Бога! Но дело в том, что она не любит это. Конечно, у нее есть своя компания, она встречается с одноклассниками, подружками. Но это бывает довольно редко. Нам пока хорошо вместе.

— То есть большая разница в возрасте не создает проблем?

— Знаете, я по дереву стучу: они слишком легко решаются.

— А когда вы поженились?

— Мы знакомы четыре года, и я даже не могу сказать, когда стали женаты. Я вообще считаю, что в брак надо входить так, чтобы эта граница — женат — не женат — не была заметна.

— То есть официальной регистрации, свадьбы не признаете?

— Нет. Признаю в одном случае: если это приносит какую-то материальную выгоду. Раньше, например, семейным давали квартиру, ради этого стоило регистрироваться. А просто так не хочу пускать государство в свою личную жизнь. За любимую женщину я способен отвечать сам. Я очень хочу, чтобы Катя была счастлива. И могу сказать, что наша Аленька — не случайный ребенок. Мы оба очень ее хотели. Вообще должен заметить, при такой разнице в возрасте — 45 лет — проблем оказалось меньше, чем я даже мог предполагать. Когда люди хорошо друг к другу относятся, возраст — не помеха. Я думаю, что у людей очень долгий разумный возраст — лет с 13—14 до 90. И если отбросить всякого рода предрассудки, то в этом интервале люди прекрасно могут находить общий язык. Дележка на поколения условна и, кстати, здорово портит жизнь.

— Недавно одна из ваших бывших жен в центральной газете упрекнула вас в неумеренной любви-веобильности. Не обидно?

— Когда мужчину в моем возрасте называют бабником, надо не обижаться, а благодарить.

— Любовь эгоистична?

— Думаю, нет. Страсть эгоистична, хотя ее я тоже ценю очень высоко. Но любовь выше. В широком понимании любовь — это то, что великолепно исправляет все недостатки нашей жизни. И если вернуться к российской национальной идее, то я бы хотел, чтобы это была идея любви. Богатыми мы в ближайшие 15 лет не станем. Но если мы сохраним свою уникальную российскую способность любить — это великое богатство, которого нет ни у кого.

Беседу вел
Ольга СОЛОМОНОВА.